

состояние граждан новых земель ФРГ отмечено чувством незащищенности, аутсайдерства, вовлеченности в региональный конфликт. Они испытывают "новое отчуждение" в рамках объединенной Германии.

В ближайшие 10 - 15 лет поставлена задача в инвестировании центр тяжести перенести с регионального подхода на стимулирование роста более конкурентоспособных предприятий и фирм, развивать финансовую сферу, транспорт, обеспечить выход восточногерманских предприятий на рынки, в том числе мировые. Утвердилось мнение, что выполнение задачи выравнивания социальных условий жизни может быть отнесено на более далекий срок.

Сделаны выводы об ошибочности ряда решений, в частности в проведении финансовой реформы, о непродуманности и поспешности многих проектов, приведших к пагубным социально-экономическим последствиям. Ставится вопрос о едином плане экономической модернизации не только восточной, но и западной части Германии.

Грандиозность задач выявилась лишь в процессе интеграции. Идет сосредоточение ресурсов и поиски новых стратегий. Цену и правомерность их покажет будущее.

1. Потапов А.В. Кризис ГДР в 80-ые годы и объединение Германии // Новая и новейшая история, 1991, N 5, с. 156.
2. Кох Т. Объединение двух германских государств как культурная проблема. // Мировая экономика и международные отношения, 1992, N 12, с. 75.
3. Wegner M. Die deutsche Einigung oder das Ausbleiben des Wunders. // Aus Politik und Zeitgeschichte, 1996, N 40, s.14.
4. Ibid., s.18.
5. Bulmahn Th. Vereinigungsbilanzen.// Aus Politik und Zeitgeschichte, 1997, N 40-41, s.35.
6. Wegner M. Op. cit., s.19.
7. Ibid., s.21.
8. Statistisches Jahrbuch der BRD. 1996. Bonn, 1996, s. 566-570.
9. Veen H.-J. Innere Einheit - aber wo liegt sie? // Aus Politik und Zeitgeschichte, 1997, N 40-41, s. 25.
10. Турусова Л.И. Экономические и социальные проблемы объединения Германии.// Объединенная Германия. Политико - культурные и социально-экономические аспекты. Реферативный сборник. М., 1992, с.245 - 246.
11. Здесь же, с. 248 - 249.
12. См: Замятина Т.А., Калинин М.И. Германия, а что с единством? // Эхо планеты, 1995, N 47, с.46; Aus Politik und Zeitgeschichte, 1996, N 40, s. 14; Bulmahn Th. Op. Cit, s. 35.
13. Heilemann U., Rappen H. Sieben Jahre deutsche Einheit.// Aus Politik und Zeitgeschichte, 1997, N 40-41, s. 38,42.
14. Wegner M., Op. cit, s. 21.
15. Ibid., s.20; Veen H.-J. Op. cit., s.26.
16. Wegner M. Op. cit., s.18.
17. Ibid., s.17.
18. Ibid., s.15; Veen H.-J. Op.cit., s.42.
19. Veen H.-J. Op. cit., s.27-28.

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРИОД "ВОЕННОГО КОММУНИЗМА"

Боженко Л.И.

Конкретная история сибирского крестьянстве накануне нэпа (1920-начало 1921гг.) включает целый комплекс взаимосвязанных проблем. Среди них центральной стержневой несомненно является социально-экономическое развитие крестьянства. И вполне естественно, что данная тема имеет на сегодняшний день довольно обширную историографию. Это и работы, опубликованные еще в 20 - 30-е гг., - С.Брике, С.Генделя, И.Жуйкова, М.Красильникова, В.Нагнибеды, И.Ярового, и работы, вышедшие в свет в 50 - 80-е гг., - В.Т.Агалакова, Л.И.Боженко, А.Г.Введенской, Л.М.Горюшкина, Н.Я.Гущина, А.Н.Лариной, В.М.Лойко, И.П.Панова, В.Е.Чаплика, В.И.Шишкина и др.¹ Однако целостный подход к указанной проблеме, на наш взгляд, еще не сложился. Пока еще нет специальных работ по ряду важных вопросов социально-экономического развития крестьянства в условиях "военного коммунизма" - землепользование и землеустройство, трудовая, гужевая и военно-конская повинности, постой и некоторые другие.

По сути дела "белым пятном", "незаполненной страницей" истории социально-экономического развития сибирского крестьянства накануне нэпа до сих пор остается организация местными органами

Советской власти агрономического и ветеринарного обслуживания крестьян Сибири. У историков-аграрников, занятых исследованием таких приоритетных тем, как аграрная и особенно продовольственная политика, организация кооперативных объединений, социальные сдвиги в крестьянстве и классовая борьба в деревне, до такой темы как налаживание агрономической и ветеринарной службы в деревне просто "не доходили руки".

В данной статье ставится задача заполнить указанный пробел и, учитывая ограниченный объем статьи, показать в самом общем виде, какое значение в сложной системе мероприятий, проводимых Советским государством по оказанию помощи крестьянским хозяйствам по их восстановлению и поддержанию, занимали организация агрономической и ветеринарной служб.

Начать освещение избранной темы, как нам кажется, надо с того, что обращение к этой теме представляет особый интерес сегодня, когда вся политика "военного коммунизма" у некоторых публицистов и историков-конъюнктурщиков получила весьма негативную оценку, когда она стала оцениваться ими только как "большевистское насилие" над трудящимся крестьянством, только как серия "злонамеренных акций", которые осуществляли Ленин и большевики с единственной целью - разорить и пролетаризировать крестьянство². Конечно, надо признаться, что "военный коммунизм" с его неизбежными и господствовавшими методами государственного принудительного вмешательства в развитие крестьянского хозяйства (продразверстка, реквизиции, повинности и т.п.) - это далеко не светлая страница в нашей отечественной истории. Однако было бы исторически неверно сводить "военный коммунизм" вообще, и в деревне в частности, только к этим "ненормальным" чрезвычайным мерам (которые, кстати сказать, были вынуждены войной и разорением.). Ведь наряду с мерами принуждения в это же время применялись, хотя и в ограниченных масштабах, и методы убеждения и поощрения за успешное выполнение заданий, крестьянам предоставлялись некоторые льготы. И наконец, в это трудное для Советского государства военное время оно делало первые шаги по оказанию крестьянам материальной помощи. Одним из видов такой помощи и была организация агрономической и ветеринарной помощи крестьянским хозяйствам.

Для сельского хозяйства Сибири, которое располагало огромными пахотными и посевными площадями, развитие агрономической службы приобретало особое значение. В Сибири, где вся пахотная площадь измерялась в 1920 - начале 1921 гг. в 14-15 млн. дес., а площадь посевов в 5-7 млн. дес., только один переход к новой системе полеводства от господствовавшего здесь парового двухполья к более рациональной системе полеводства, мог увеличить ёмкость имевшейся пахотной площади почти наполовину. Но для этого нужны были достаточные кадры специалистов-агрономов, организаторов и технологов сельскохозяйственного производства, а также достаточная для огромной сельскохозяйственной территории сеть различных показательных и опытных сельскохозяйственных учреждений, прежде всего агрономических участков как основной формы агрономического обслуживания крестьянских хозяйств.

Решать эту задачу органам Советской власти было чрезвычайно трудно уже потому, что ей досталось тяжелое наследство: в дореволюционной Сибири агрономическая помощь крестьянству не получила должного развития, главным образом по причине отсутствия здесь земства и на всю огромную территорию к 1917 г. было всего 153 агронома³. Условия, в которых работали тогда агрономы и возможности для нее прекрасно переданы в словах известного в те годы в Сибири агронома Н.Л.Скалозубова: "К сожалению, наша агрономическая организация такова, что агрономам представляется только говорить о сельскохозяйственных нуждах населения, средств же на удовлетворение этих нужд нет никаких"⁴.

В Сибири после освобождения её от колчаковщины агрономические организации были в крайне незначительном числе: агрономических участков было всего 203, сельскохозяйственных ферм - 24 и лишь 19 опытных участков⁵. Опытные учреждения, как наиболее обеспеченные хозяйственными постройками и инвентарем, в период "военного коммунизма" стояли под угрозой захвата их различными организациями, причем местные органы власти этому не препятствовали и только вмешательство Сибземуправления прекратило эти посягательства и спасло оборудование от распыления. Но особенно трудное положение сложилось с агрономическим персоналом. В 1920 г. он включал в Сибири всего 341 чел., причем на одного агронома приходилась площадь посева более 20 тыс. дес. к тому же разбросанных на пространстве в тысячи квадратных вёрст⁶. Положение усугублялось и тем, что значительные площади посевов в Сибири были уничтожены или поражены кобылкой и другими сельскохозяйственными вредителями полей и покосов: в 1920 г. - около 161,5 тыс. дес., а в 1921 г. - почти 148 тыс. дес. Общая потеря урожая одних только хлебных культур, не считая кормовых трав, выражалась в сотнях тысяч пудов. Наибольшую угрозу сельскому хозяйству в 1920-1921 гг. представляли саранчовые, которые схватили все пахотные угодья Сибири⁷. Борьба с вредителями сельского хозяйства была начата уже в 1920г., однако недостаток материала и агрономического персонала позволили организовать эту работу только примерно на одной пятой части пораженной территории⁸.

Небезынтересным для изучения является вопрос о том, кто осуществлял руководство организацией агрономической помощи сельскому населению Сибири. Дело в том, что полная неопределенность и даже запутанность в этом отношении агрономических организаций в дореволюционной Сибири явилась серьезнейшей причиной того, что агрономическая помощь тогда не получила широкого развития. И только в новых условиях, в первые годы Советской власти, когда агрономическая помощь была передана в ведение земельных органов в Сибземеотделе Сибревкома, стали создаваться условия для того, чтобы покончить с неопределенным положением агрономической помощи и начинать создавать разветвленную, приближенную к трудовому крестьянству, достаточно работоспособную, единую советскую агрономическую организацию в Сибири. Однако в рассматриваемый период положение агрономических организаций в Сибири было еще самое разнообразное.

Участковая агрономическая служба и в этих сложнейших условиях сумела все же сыграть положительную роль, но её было недостаточно и органы власти, осуществляя ломку не только системы сельского хозяйства, но и социально-экономических отношений, искали новые формы общественной агрономии. Главным направлением этих поисков стала организация сельскохозяйственного образования и просвещения самих непосредственных производителей - крестьян. В сравнительно короткий срок после освобождения Сибири от колчаковщины в губерниях и уездах при помощи органов народного образования были организованы многочисленные курсы разной продолжительности, где крестьянам прививались навыки культуры земледелия, проводились разовые лекции и беседы, в которых в популярной форме излагались вопросы правильного ведения хлебопахотного, зернового хозяйства⁹. С этой же целью был налажен выпуск небольших брошюр и нескольких серий периодического издания "На помощь сибирскому земледельцу" (Омск, 1921). Определенный вклад в улучшение сельского хозяйства, прежде всего семенного материала, внесла Западно-Сибирская селекционная опытная станция, которой было присвоено имя Н.Л.Скалозубова. Начиная с марта 1920 г. опытная станция перешла в непосредственное ведение Сибземеотдела¹⁰.

Успешное развитие крестьянского сельского хозяйства после восстановления в Сибири Советской власти во многом зависело и от постановки ветеринарного дела, что можно объяснить несколькими обстоятельствами. В хозяйствах крестьян насчитывалось в 1920г. около 4 млн. лошадей, почти 2,5 млн. коров, более 14 млн. всех видов скота, каждая губерния отличалась своими географическими и хозяйственными особенностями, что требовало особых приёмов и форм развития животноводства, особых знаний и навыков у работников земорганов и самих крестьян. И наконец, именно на 1920 г. приходилось в Сибири наибольшее за прошедшие 15 лет число заболеваний скота такими страшными болезнями как сибирская язва, ящур, сап, чума у свиней и чесотка, которая охватила до 75% всего конского состава¹¹. Причем это далеко не все болезни, а только самые опасные. И, конечно, при возможностях учета в то время попали в этот учет далеко не все случаи заболевания, а несомненно меньшая часть их, тем более, что и сами крестьяне скрывали болезни скота от учета в надежде, что он сам "выходится", и из боязни убоя его, поскольку установленная на этот случай плата была совершенно недостаточна, чтобы заменить убитую больную скотину здоровой.

Все это свидетельствовало о том, какое тяжелое эпизоотическое наследство оставила колчаковщина, во время которой, особенно при отступлении колчаковских войск, были нарушены всякие карантинные меры и повальные болезни скота еще более распространились в Сибири. Кроме этих причин массовых эпизоотий так сказать "внутреннего" порядка сибирское животноводство находилось в постоянном угрожаемом положении с точки зрения внешней: рядом находилось монгольское скотоводство, издавна заносившее в Сибирь чуму и другие повальные болезни скота, к тому же через Сибирь шло всякое сырье (кожа, шерсть) с микробами всяких болезней скота. По отчетам ветеринарных пунктов в 1920 г. в Сибири было зарегистрировано более 2,1 тыс. неблагополучных мест, а численность заболевшего, павшего и убитого скота превышала 370 тыс. голов¹².

После освобождения Сибири перед ветеринарным отделом Сибземуправления встала чрезвычайно трудная задача - восстановить ветеринарную службу, которая до временного падения Советской власти по сути дела только-только начинала организовываться, а при контрреволюционных правительствах превратилась в земскую, оторванную от массового крестьянского хозяйства и обслуживавшую крупную скотопромышленность. Господство же колчаковщины принесло сибирской ветеринарной организации полную разруху главным образом потому, что ветеринарный персонал почти поголовно был мобилизован в колчаковскую армию. И в результате никем и ничем не сдерживаемые эпизоотии "приняли стихийное распространение"¹³.

С восстановлением Советской власти ветеринарная служба в Сибири начинает возрождаться, собирать свои силы и устанавливать связи с непосредственно крестьянским сельскохозяйственным производством. Уже в 1920 г. было положено начало строительства ветеринарной службы в сибирских губерниях. В этом году централизованное руководство ветеринарным делом перешло к Сибземуправлению, что способствовало созданию, участковой ветеринарии. Ветеринарная организация в

Сибири начинает сравнительно быстро возрождаться и постепенно крепнуть. В марте 1920 г. было созвано совещание заведующих губернскими ветеринарными подотделами земельных органов. Важную роль в этом сыграло принятое вскоре Сибревкомом "Обязательное постановление о мерах борьбы с эпизоотиями в Сибири". В Омске был организован центральный склад ветеринарного снабжения. Омская бактериологическая лаборатория преобразована в Сибирский ветеринарно-бактериологический институт, при Омском сельскохозяйственном институте открыта кафедра ветеринарии, преобразованная в Факультет, а затем в ветеринарно-зоотехнический институт¹⁴.

Весьма сложным был вопрос с кадрами ветеринарных работников-ветврачей и ветфельдшеров, численность которых заметно уменьшилась вследствие мобилизаций в армию в годы гражданской войны. Однако благодаря трудовым мобилизациям, проведенным Сибземотделом, контингент ветработников увеличился более, чем в 1,5 раза: в начале 1920 г. в шести губерниях Сибири насчитывалось 156 ветврачей и 238 ветфельдшеров, а в начале 1921 г. соответственно 254 и 358. Весь этот имевшийся в наличии ветеринарный персонал был равномерно распределен по губерниям, хотя обеспеченность ими была низкой: один ветработник приходился на территории от 4 тыс. кв. верст в Томской губернии до 19 тыс. - в Енисейской и от 37 тыс. голов скота в Томской губернии до 88 тыс. - в Семипалатинской и это не считая скота в городах¹⁵. В связи с этим были приняты меры и по использованию военного ветперсонала для обслуживания крестьян и по привлечению самих крестьян к самообслуживанию, а также организованы краткосрочные курсы для крестьян. Хотя, конечно, и этого было слишком мало для огромной территории Сибири и для размеров её животноводства.

В условиях "военного коммунизма", когда была введена продразверстка, и в совершенно новых формах и на новых основаниях была организована массовая государственная заготовка скота и живого сырья, молочных и мясных продуктов, Сибирский ветеринарный отдел по согласованию с Сибпродкомом провел ряд мероприятий, которые способствовали улучшению ветеринарно-санитарного надзора (новые скотопроегонные тракты, иной способ организации убойного дела и т.д.), выявлению на местах скрытых очагов болезней скота и последующему сокращению веками коренившихся в Сибири эпизоотии. Только в 1920 г. на ветпунктах было сделано более 58 тыс. прививок скоту. В начале 1921 г. в Сибири уже действовало 11 специальных скотолечебниц и 185 амбулаторий и было принято около 200 тыс. заболевших животных¹⁶. Большая работа была проведена и по охране границ от заноса болезней, особенно чумы: организован ряд карантинных пунктов по границе с Монголией, центральная ветлаборатория и восстановлена часть местных, выработано различных вакцин до 400 тыс. доз и т.д.

Таким образом, в период "военного коммунизма" организация агрономической ветеринарной службы в Сибирской деревне была характерна стремлением местных органов власти создать возможно более широко разветвленные по сравнению с дореволюционным временем и приближенные к крестьянскому населению вполне работоспособные организации, которые занимались бы агрономическим и ветеринарным обслуживанием крестьянских хозяйств. Эта задача, которая была поставлена с первых дней восстановления в Сибири Советской власти, по целому ряду названных выше причин не могла быть решена тогда ни с достаточной полнотой и не всегда правильно, за очень редким исключением. Что же касается методов осуществления этой задачи, то они были в целом характерны для периода гражданской войны и "военного коммунизма" - мобилизационным способом укомплектования агрономических и ветеринарных организации, довольно заметным увеличением численности агро- и ветперсонала, ударными методами работы в условиях начавшегося в 1920 г. и усилившегося в начале 1921 г. кризиса крестьянского сельского хозяйства и осуществления продразверстки.

И в тоже время немного, что удалось в условиях "военного коммунизма" сделать в Сибири по организации агрономической и ветеринарной помощи крестьянским хозяйствам, имело, несомненно, положительное значение в развитии сельского хозяйства, в некотором улучшении сельскохозяйственного производства и положения крестьян.

1. Оценка сделанного в этой области содержится в специальных историографических работах. См.: Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск, 1976; Гуманитарные исследования в Сибири: итоги и перспективы. Новосибирск, 1984; и др.
2. См.: Боженко Л.И. Актуальные проблемы "военного коммунизма" в публикациях конца 80 - начала 90-х гг. // Из истории революций в России (первая четверть XX в.); Вып. 2. Томск, 1996. С. 103-110.
3. См.: Сибирская советская энциклопедия (ССЭ). Т.1. Новосибирск, 1929. Стб. 15-17; Розе А.М..., Осипов Н.И. Агрономическая организация Сибири. Новониколаевск, 1925. С.8.
4. Цит. по: ССЭ. Т.1. Стб. 16. Скалозубов Николай Лукич (1861 -1915) - агроном и общественный деятель, с 1894 г. - первый и единственный тогда агроном в Тобольской губернии. Был одним из первых в России селекционеров, положил начало изучению сибирских пшениц. Автор свыше 250 печатных работ по агрономии, экономике и этнографии (ССЭ. Т.4. Стб. 908).
5. Жизнь Красной Сибири. 1922. № 2, 6, 7.

6. Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. Новосибирск, 1927. С. 314.
7. Известия Сиббюро ЦК РКП(б). 1922. № 45. С. 43-44.
8. Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С. 323-325.
9. Жизнь Красной Сибири. 1920. № 2. 6. 8; Отчет Наркомзема IX Всероссийскому съезду Советов за 1921 г. М., 1921. С. 39-40; и др.
10. ЦГАНХ. ф. 478. Оп. 3. Д. 1167. Л. 90-93.
11. ССЭ. Т. 1. Стб. 470.
12. Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С. 395, 422.
13. ССЭ. Т. 1. Стб. 470.
14. ЦГАНХ. Ф. 478. Сп. Р. Д. 1526. Л. 10-13; ССЭ. Т. 1. С. 470.
15. Жизнь Красной Сибири. 1920. № 2. С. 9. По другим данным в 1930 г. в Сибири было 438 ветеринарных врачей и Фельдшеров (Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С. 420).
16. Сельское хозяйство Сибири. Вып. 2. С. 426.

ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ НА РОДНОМ (УКРАИНСКОМ) ЯЗЫКЕ В НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛАХ В Ш ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ*

Кутилова Л.А.

В конце XIX - начале XX вв. языковая проблема в украинской национально ориентированной среде воспринималась как одна из главных, а ее акценты смещались в сторону борьбы за ликвидацию ограничений, отмену указов 1863 и 1876 годов¹. Но достижение этой цели само по себе не привело бы к решению проблемы, поскольку легализация прав украинского языка была лишь стартовой площадкой для позитивной деятельности в сфере расширения области его применения. На нем предстояло начать преподавание и прежде всего в начальной школе, дающей азы образования. Речь шла также о развитии литературы, как художественной, позволяющей удовлетворить эстетические потребности народа, так и научной, призванной расширить горизонты его познания, а также популярного характера, дающей возможность, например (что особенно важно для крестьян), получить сведения о землепользовании и землеустройстве. Украинский язык должен был стать языком прессы, отвечающей на злободневные вопросы бытия и позволяющей ориентироваться в политических и другого рода коллизиях.

Необходимость начального образования именно на родном языке - тезис, который сегодня не вызывает возражений. В начале XX в. он был оспорен (в связи с проблемой прав украинского языка) теми, кто никак не хотел признать обособленность малорусского (украинского) народа и языка, на котором он разговаривает². Не возражая против украинского языка как местного, регионального наречия великорусского («общерусского» по терминологии П.Б. Струве), вполне годного для домашнего употребления адепты этой точки зрения выступали категорически против расширения его прав, видя в этом процессе тенденцию «ослабить» и «упразднить»³ общерусскую культуру и общерусский язык, а в перспективе угрозу партикуляризма. Таким образом, вопрос о языке приобретал политическую окраску. Украинцы, выступающие за реализацию уже признанных законом прав родного языка, строили свою аргументацию (в противовес рассмотренной выше позиции), исходя из следующих мотивов.

1. Родной язык является могучим фактором просвещения, так как именно на нем говорит, думает, в его формы облекает свои чувства ребенок, пришедший в школу.
2. Обучение в начальной школе на чужом языке негативно трансформирует процесс усвоения знаний, так как на него накладывается необходимость изучения и запоминания неизвестных слов. Обучающийся не может правильно мыслить на неродном ему языке, так как ясность мысли обуславливается степенью соответствия возникающих в представлении образов их словесной форме. В начале XX в. это положение убедительно доказал один из крупнейших ученых-языковедов А. Потебня в исследовании «Мысль и язык»⁴.
3. Указанное обстоятельство нарушает естественный (и без того трудный) механизм чтения и письма, восприятия содержания изучаемого, поскольку сознание ученика блокирует поступление информации вследствие неясности языка, на котором она подается.
4. Подобная ситуация создает рецидивы безграмотности, то есть родной язык не изучается, а чужой забывается из-за отсутствия разговорной практики⁵.
5. Наконец, общая необразованность народных масс имеет своим следствием культурную и экономическую отсталость.

Исходя из этих доводов, 37 депутатов Ш Государственной думы подали на рассмотрение парламента «Проект основного положения о языке преподавания в начальных школах местностей с малорусским населением»⁶.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 96-01-00516)